

Дом актёра. — 1996. — № 1-2 — С. 13

В прошлом году легендарный Лёня Голубков (он же актер Вл. Пермяков) на презентации своей книжки «Как я стал Лёней Голубковым» с досадой сказал волчьей стайке репортеров о том, что вот, мол, мечтаю и могу сыграть крупные роли, хотел бы создать классические персонажи, но трудно, ох, трудно пробиться в Москве провинциалу через пути круговой поруки, что в столице на сценах царит засилье своих и блатных, пап и мам, сынков и дочек...

Сказать ли? Но когда-то, так же нагрянув из провинции в столицу, я тоже грешил подобными глупостями мысли и, урча, встречал, например, появление на сцене юного Антона Табакова или Миши Ефремова: сынок, мало тебе хлеба с маслом, вот еще и театр получил на халяву, пусть маленький, пускай под крышей «Современника», но зато свой, карманный.

Сейчас не то!

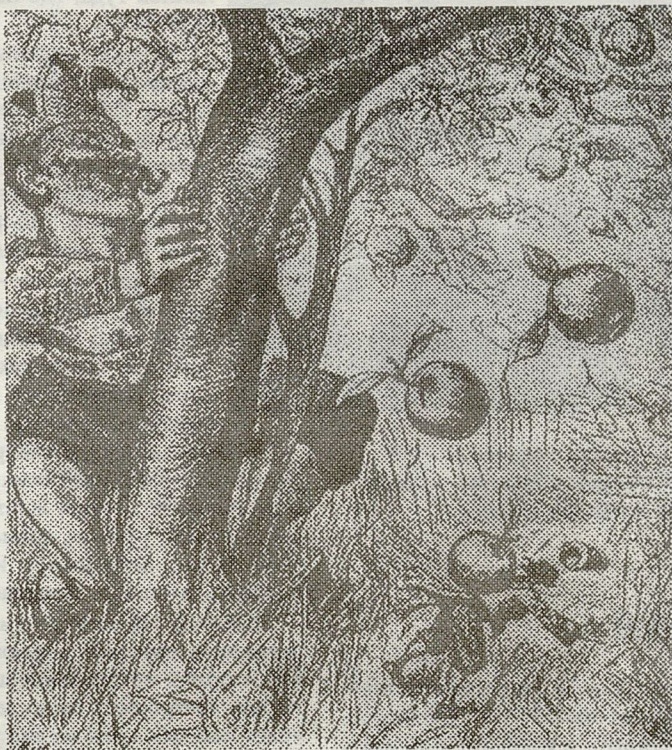
Сказать ли? Каждый раз, увидев на сцене молодое лицо из прославленной театральной семьи, я наслаждаюсь и тем, как

актер похож на мать или на отца, и тем, как он не похож на них, и

тем мельканьем актера знаменитого в родных ему чертах лица, похожестью вон того жеста, вон той интонации, которая просвечивает (часто против воли) в игре молодой поросли. Но больше всего, признаюсь, сейчас я ценю ту свободу, какая есть в игре талантливых сынков и дочек. Эта свобода естественна, органична, артистична, не наиграна и, наконец, династична, то есть в ней есть порода, артистический аристократизм.

Именно свободой сразу захватывает Александр Лазарев в ленкомовском спектакле «Королевские игры» Марка Захарова. Вот он, король, паясничая выходит на сцену в косматом парике, с глумливым носом шута и хриплым голосом базарного нищего. Именно так! Играя властью. Ведь Генрих VIII Тюдор единственный, кто подлинно и до конца свободен здесь, именно свобода, в ее тиранническом извращении, является и сутью сценического образа, и смыслом постановки. Увеличивая размах независимости во имя любви, отменяя папство, провозглашая англиканство, развязывая войну, коронованный свободолю-

бец, в конце концов, отправляет на плаху ту, ради которой стал волен до конца, саму Любовь. Пожалуй, Лазареву труднее всех. Как известно, короля играет свита, свита жадно похищает у короля (и актера

сады, и не в пол-литровых банках, как лужковцы для супа. Нет! Они сладко висят над нами, как спелые фрукты. Как хорошо, что они избалованы раскованностью и славой отцов, панибратством со славой и органично несут на сцену это чувство легкости, игральности, шарма, уверенности в собственном праве на свободу. Эта уверенность в нашем ненормальном мире становится чувством простого человеческого достоинства.

Если же взглянуть на проблему еще строже, то мы заметим, что по сути именно свобода является той желанной кровавой целью, тем искомым состоянием, которого упорно добивается любой актер на подмостках. Только внутренняя врожденная свобода и раскрепощенность отличает западную звезду от наших трудолюбивых сцены и экрана. Взгляд. Смех. Походка. Протор в волосах. Мать! Достоинство, черт возьми! Так, породистая борзая, как дивное видение, как перо страуса в райском боа, проходит сквозь лай беспородных дворняг.

СЫНКИ И ДОЧКИ

Я сознательно упрощаю проблему. Конечно

— премьера) практически все чувства и состояния души: ум достается Кромвелю (Виктор Раков), цинизм — Норфолку (Леонид Броневой), страсть — Анне Болейн (Амалия Мордвинова)... королю остается только освобожденность от всех чувств и обязательств. Лазарев с честью выходит из трудностей образа. Сыграть свободу трудно, а часто просто невозможно. Для этого ты сам — сам — должен быть внутренне свободен. Как Гамлет наделяет рефлексией мать, Офелию, Лаэрта, даже Клавдию и тем приводит к гибели, так и Генрих VIII одаривает близких и приближенных правом быть свободными от него самого и тем самым разрушает все мироздание. Сыграть эту заразительность свободы Лазареву удалось еще и потому, что он сынок, что он Александр Лазарев-младший. Принц, красавец, герой. Вольность — его пища с младых ногтей.

Именно такой же вольностью быть собой отличается и игра Михаила Ефремова, и Константина Райкина, и Александры Захаровой. Слава богу, что сынки и дочки растут не в горшках для помидорной рас-

же, быть сынком или дочкой в театре ли, в жизни весьма непростая участь. Об этом хорошо говорил в телепередаче «Суфлер» Константин Райкин-младший: вы думаете легко быть сыном Райкина? Легко получать письма о том, что твой отец был красавец, гений... Куда ты лезешь со своим кувшинным рылом?!

Слава Богу, мучительный путь Константина к свободе (в том числе и от отца) закончился победой. Он способен сегодня играть великие роли. Смотрите его Брюно в «Великодушном рогоносце», его Грегора Замза в «Превращении». И благодарно аплодируя актеру, человеку, режиссеру и сынку, вдруг вспомнишь — так же горячо аплодировали и великому отцу.

Одним словом, дорогой Лёня, свобода, вот чего всем нам не хватает, а не меценатов, не толкачей, не круговой поруки мохнатых лап, не блата.

Советским овощам не хватает апельсинового глянца.

Анатолий Коралев